

Глава 1

Когда умер стрый наш Хельги, нам с Эльгой было по семь лет. Мы его совсем не знали, да и наши отцы, его младшие братья, не виделись с ним уже многие годы. Он жил очень далеко на юге, в Киеве, и о его смерти в наших краях узнали только зимой, когда установился санный путь и торговые гости тронулись обратно на север. Нам привез эту весть Гремята, брат моей матери, что ездил в этот раз с товарами в Киев.

Наши матери оделись в «печаль», и княжий двор в Плескове тоже, хотя не в такую глубокую: князю Судогостю далекий Хельги инн Витри¹, которого здесь называли Олегом Киевским, по прозвищу Вещий, приходился всего лишь сватом. Но на поминальный пир Судогость, конечно, к нам приехал и привез всех своих сыновей. Из Выбут за рекой прибыли родичи моей матери, пришли многие из окрестных старейшин: просторная изба стрыя Вальгарда была полна. Наши матери наварили ячменной каши с медом и без соли, наготовили ржаного и овсяного киселя, напекли блинов. По обычаю плесковичей, на стол поставили миску и ложку для

¹ Прозвище обозначает «хитрый, коварный, лукавый» — таким, вероятно, было исходное скандинавское прозвище персонажа, известного нам как Вещий. Скандинавское имя Хельги на славянской языковой почве первоначально приобрело форму Ельг (Эльг), и только к концу X века сложилась привычная нам форма Олег (и Ольга). Поэтому в описанный период (первая половина — середина X века) мог наблюдаться разноречие в формах этих имен, особенно в речи разноречивых персонажей. (Здесь и далее примечания автора.)

покойного, положили горячей каши, чтобы дух угощался паром. Домолюба Судогостевна, как старшая невестка, поклонилась в закатную сторону и пригласила умершего к столу:

— Приходи, да родный брателко,
Приходи да меду пити,
Меду пити да поести.
Да пойдешь ты не дороженькой —
Темным лесом да болотом...

И тот, кто за долгую свою жизнь овладел многими землями, утвердился на столе старых полянских князей Киевичей, взял добычу из самого Греческого царства, привез из-за моря столько золота, узорочья, дорогих сосудов и цветных паволок, что цветное платье не вмещалось в лодьи и свисало через борта, — теперь довольствовался стружкой пара над тремя ложками горячей каши и парой блинов. Правда, лежало угощение на красивом греческом блюде, где по желтому полю нарисованы были две бурые птицы с синими перышками, — из Олеговой же царьградской добычи. Он сам когда-то прислал его младшим братьям среди прочих даров.

Детям в поминальном пиру участвовать не полагалось, но отцы разрешили нам остаться в избе.

— Ваш стрый Хельги прославил наш род, — сказал Вальгард, Эльгин отец и старший брат моего отца. — Вам повидать его не довелось, но этот день вы запомните накрепко — будете до старости о нем детям и внукам рассказывать.

Не все из нас к тому времени достаточно подросли, чтобы и впрямь что-то запомнить. Старшей среди нас была тринадцатилетняя Вояна — дочь Домаши от ее первого мужа, а младшим — мой родной брат Кетька: его только той зимой отняли от груди и отдали под мой присмотр. Кроме него, родной брат у меня был только один — Аська. Ему исполнилось девять, он еще иногда играл с нами, но чаще поглядывал в сторону хирдманов. Зато у Эльги, кроме Вояны, были еще две младшие сестры, Володейка и Беряша, и двое младших братьев. Я, единственная в нашей семье дочь, сколько себя

помню, постоянно бегала к стрыйным сестрам¹. Особенно близки мы были с Эльгой: мы родились в одно и то же лето, росли и всему учились вместе и были неразлучны, как две руки одного тела.

И вот мы, все девять голов, лежали на полатах и прислушивались к разговорам внизу. Было боязно: мы слышали, что покойный стрый придет принимать угощение, но не знали, увидим ли мы его и очень ли будет страшно. Повеет ли на нас стужей? Упадет ли на лицо холодная слеза невидимого гостя? Застучит ли лавка, скрипнет ли дверь? Знакомая изба, сплошь увешанная белыми поминальными рушниками, стала новым и неуютным местом; казалось даже, будто все мы ради памяти Олега перенеслись этим вечером в Навь. Наверное, он был колдун; недаром же его там, у полян, прозвали Вещим.

Но пирование за столом из двенадцати блюд шло буднично, разве что хлеб не резали, а ломали. Мой отец и стрый Вальгард рассказывали о юности своего брата, о предках, о походах и подвигах. Он был старше их обоих на много лет, и отчасти они смотрели на него как на отца. Что и говорить: никто иной из нашего рода не достиг столь многого. В его честь Вальгард назвал свою старшую дочь. К тому времени Олег уже давно правил землей полян, и даже старые наши князь и княгиня не возражали, чтобы их внучка получила русское имя.

— И кто же теперь будет в Киеве сидеть? — спрашивали старейшины. — У Эльга же сыновей никого не осталось?

Все вопросительно смотрели на наших отцов, а те качали головами. В одном мудрому Олегу изменила удача: ему пришлось пережить своих сыновей. Говорили, их у него было четверо, но к нам ни один ни разу не показывался. Трое погибли в походах, а самый младший, Рагнар, умер от лихорадки. Люди говорили, такова была цена Олеговой удачи. Судьба ведь ничего не дает даром, и если она позволила человеку возвыситься больше, чем он мог ожидать, расплачиваться за это придется его потомству.

¹ Стрыйные сестры — двоюродные сестры по отцам.

— Новым князем кияне Олегова внука признали, от дочери его, — сказал Гремята. — Его тоже Олегом зовут. Он и по отцу княжьего рода — так кому же, как не ему? Киевские бояре за ним поехали в Холм-град.

— Но он же дитя еще? — Судогость посмотрел на нас, будто сравнивал.

— Нет, княже, ты забыл, как быстро время идет, — возразил тестю Вальгард. — Олегова дочь вышла за Предслава, беглеца из земли моравской, лет двадцать назад, и сын их давно взрослый. Может, успел и правнуков брату моему нарожать.

— В Холм-граде его женили, мы слышали? — заметил выбутский старейшина Доброзор, наш с Аськой и Кетькой дед по матери. — Без жены его в Киев не отпустят.

Глядя с полатей на родичей и гостей, на блюда, чаши и рога, слушая разговоры, мы еще мало что понимали. Наш двоюродный племянник — взрослый мужчина, недавно провозглашенный киевским князем, — рисовался нам весьма смутно. В наши головы тогда даже мысли не приходило, что нам суждено когда-нибудь с ним повидаться.

В конце пира Домаша отошла к двери и ответила за покойного, кланяясь из тени:

— Я с вами да насиделся,
Да на вас да нагяделся,
Я всего да накушался,
Да спасибо вам за все,
Да живите да не ссорьтесь.
А мне пора да восвояси,
Восвояси, да в темну могилку.
Далека да моя дороженька —
По темному лесу, по болоту...

И вот тут нас пробрала дрожь: в голосе Эльгиной матери мы и правда услышали гостя из Нави. Следя за ней, мы затаили дыхание и прижались друг к другу потеснее.

На другой день остатки поминальной стравы опустили в реку, «печальные» рушники убрали со стен, жильё приняло

привычный вид. Жизнь пошла по-прежнему, и мы обо всем этом забыли. Казалось, далекий и неведомый Олег Вещий бросил на нас пристальный взгляд из Закрадьа и снова скрылся навсегда.

И лишь много времени спустя мы поняли, как прав был Вальгард, когда велел нам получше запомнить этот день.

* * *

До молодого Олега Предславича — того человека, которого смерть Олега Вещего затрагивала сильнее всех, — важная весть добралась еще позже.

Нынешняя зима оказалась щедрой на метели. Немало дней миновало, прежде чем киевский обоз дополз до берегов Ильменя. Обогнул замерзшее озеро, миновал несколько поселений и наконец притащился к истоку Волхова, где высился городок — столица здешнего края. Когда-то поблизости стояла словенская весть под названием Холм, а на самом холме были пашни, но лет сто назад на этом месте обосновались выходцы с берегов Свеаланда. Их предки называли себя «рутскарлар», то есть «люди проливов»; чудские племена, первые с ними познакомившиеся, стали называть их «рутси», а славяне вслед за ними — русь. Русины, привыкшие проезжать полмира, чтобы отвезти янтарь и меха с севера в богатые римские земли, теперь стремились навстречу потоку серебряных шелягов из далеких сарацинских стран. Серебряный след привел их в земли чуди, мери и приильменских славян. Здесь было удобно, не отклоняясь от торговых путей, обменивать железо и бронзу из Свеаланда на шкурки куниц и бобров. Этот товар потом везли на Волгу, в Хазарское царство и еще дальше — на Гурганское море, а взамен доставляли серебро для украшений, узорные шелковые ткани, расписную посуду, яркие бусы из разноцветного стекла или камня. Всякое лето на корабельной стоянке у Волхова дымили костры, порой возле них сидели кучками понурые пленники — тоже товар немалого спроса в сарацинских странах. Местные жители, завидев эти думы, съезжались предложить свой товар в обмен на привезенный.

Тородд, дед нынешнего конунга Олава, перебрался сюда из Ладogi и возвел укрепления на месте старинного славянского селения. На языке русинов это место называлось Хольмгард — «город на острове», ибо город помещался между Волховом и его рукавом и по весне иногда оказывался отрезан от суши половодьем. Стены из засыпанных землей срубов не опоясывали вершину холма или мыса, а полумесяцем огибали возвышенную часть берега. Со временем Хольмгард разросся и уже не помещался в старых укреплениях; его кузнецы и прочие умельцы, выселенные за пределы стен, снабжали своими изделиями всю округу. Ныне он был самым сильным и влиятельным из трех варяжских городцов в Поозёрье. Свой род его хозяева возводили к легендарному Харальду Боезубу и потому имели право на королевский титул.

Во времена сына Тородда, Хакона, через эти места прошел с дружиной на юг Хельги сын Грима. На Среднем Днепре он создал свою державу, где прославился под именем Олега Вещего. При нем открылся путь из Поднепровья в богатое Греческое царство. Тогда же оба владыки, с верхнего и нижнего конца Пути Серебра¹, заключили между собой договор о дружбе и свободном проходе торговых обозов. Каждый из двух властителей, южный и северный, отдавал своего наследника в дом другого: молодые люди служили заложниками мира, а заодно привыкали видеть в соперниках своих друзей. И родичей, поскольку жену им, по обычаю, подбирали здесь же.

Сейчас в Хольмгарде правил Олав, внук Тородда. В юности он несколько лет прожил у Олега Вещего в Киеве и там получил свою первую жену, Гейрхильд. От второй жены, Сванхейд, внучки конунга сеев, у него родилось одиннадцать детей, однако пятеро умерли совсем маленькими и растила королева только шестерых.

Уже шесть лет в Хольмгарде жил Олег Предславич, внук Олега Вещего. В обмен на него Олаву пришлось отправить

¹ Путь Серебра — обозначение торговых путей, ведущих от источника серебряной монеты (арабских стран) через Русь на север Европы.

в Киев своего наследника. Старшему из живых сыновей, Ингвару, к тому времени исполнилось всего четыре года. Он и уехал на юг, сопровождаемый воспитателем, Свенельдом, и Свенельдовым сыном Мистиной, своим товарищем.

Приняв в доме четырнадцатилетнего Олега, Олав предназначил ему в жены свою дочь Альвхильд, на год старше него. Замысел не удался: Альвхильд умерла в ту же зиму. Следующей по возрасту дочери, Мальфрид, тогда было всего одиннадцать, и лишь пару лет назад королева Сванхейд наконец дала согласие на свадьбу.

Жена и принесла Олегу-младшему первую весть о перемене в их общей судьбе.

Ранним зимним утром, пока Олег еще спал, Мальфрид встала и среди глухой синей тьмы ушла в коровник присмотреть за служанками. Однако она вернулась почти сразу и положила холодную ладонь на голову мужа:

— Хельги! Проснись! — Она говорила на северном языке, как было принято в Хольмгарде, хотя знала и словенский. — Случилось кое-что! Это важно!

Мальфрид принесла горящую лучину и зажгла восковой светильник. По избе разлился желтоватый свет. Молодая женщина поставила светильник на ларь: стала видна медвежья шкура на бревенчатой стене, резные, по северному обычаю, столбы лежанки. Для подушек Мальфрид сама собирала мнущей осенью пух с бурых початков рогоза, а льняное полотно для наволочек и настильничков соткала еще до замужества.

— Что там такое? — Олег повернулся и заморгал, щурясь на свет и прикрывая глаза рукой. — Твоя любимая корова заболела?

— Нет, нет.

Мальфрид села на край лежанки возле мужа. Для хлопот по хозяйству она надевала простой овчинный кожух; от него пахло зимним холодом и хлебом. Румяное от стужи лицо Мальфрид было непривычно сурово.

— Это намного важнее. Там пришел один человек, рыбак.. Он сказал: вчера к нему заходил его зять и рассказал..

с юга идет обоз из Кенугарда, и там люди, они едут к тебе. Они говорили.. Это сказал тот рыбак, а ему — его зять.. Якобы на том берегу уже все знают..

— Ну, так в чем дело? — Олег сел, удивленный таким длинным запевом. — Я ничего не понимаю.

— Они говорят, что в Кенугарде умер твой дед Хельги! — решила наконец Мальфрид и замолчала, давая мужу время осмыслить новость.

Теперь Олег понял, почему жена зашла так издалека.

Он потер лицо ладонями, пригладил темно-русые волосы. Новость была слишком важна, чтобы вот так сразу ее принять. То, о чем болтают рыбаки и жители прибрежных весей, еще не обязательно правда, это может быть пустой слух. Но все же.. Чему удивиться: деду пошел седьмой десяток. А других прямых наследников у него нет, потому именно он, Олег-младший, и был увезен на другой край света еще подростком.

Единственный внук не видел деда очень давно — шесть лет, почти треть всей своей жизни. Вещий не качал мальчика на коленях, ему хватало других забот. Поэтому сильнее скорби в душе Олега-младшего было смятение; взвился целый вихрь мыслей о переменах, которые эта смерть принесет ему, наследнику прославленного вождя и мудреца.

Он поднял глаза на молодую жену. Мальфрид смотрела на него: ждала, чтобы он сказал, как ей относиться к этой новости.

Мальфрид выросла у Олега на глазах, он с отрочества привык к мысли о браке с нею. Высокая, крепкая, ему под стать, дочь Олава обладала округлым скуластым лицом и настолько светлыми бровями и ресницами, что их почти не было видно на белой коже. Только летом, как солнце войдет в силу, кожа ее принимала ярко-розовый оттенок спеющей брусники, и тогда беловато-золотистые брови и тонкая полоска таких же волос, видная из-под покрывала надо лбом, сияли, будто солнечные блики. А глаза, обычно серо-голубые, становились ярко-синими, как цветущий лен.

Про нее не скажешь, что красавица, но Олег был не из тех, кто льстит на красоту. Он и сам красотой не отличал-

ся. Лицо ему досталось из тех, что называют костистым: выступающие скулы, надбровные дуги, жесткий подбородок, немного впалые виски, однако приветливый взгляд смягчал жесткие черты лица. Был он очень рослым, но соразмерного сложения; прямой сильный стан, крупные, красивые кисти рук с длинными пальцами, не слишком большие ступни придавали всему его облику благородство, как и положено при его высоком происхождении, и Мальфрид считала, что ей очень повезло с мужем. Почти с детства, едва узнав, что этот рослый неразговорчивый отрок — ее будущий супруг, она твердо решила во всем разделять его судьбу, будет она добра или зла. В первые годы они мало общались, хоть и виделись каждый день, но Олег всегда ощущал ее молчаливое сочувствие и был за это благодарен. Сам же он готов был в ответ во всем поддержать ее. Ни словом не попрекнул жену за то, что вот уже почти два года миновало после свадьбы, а о детях и намека нет. Мать ее отличалась плодовитостью, супруги были молоды, и Олег верил, что многочисленное потомство у них впереди.

— Что за люди, тот рыбак не сказал?

— Он же их не знает. Но он сделал такое лицо... — Мальфрид попыталась изобразить важность: выпучила глаза и подняла брови. — Надо думать, это знатные люди. Хёвдинги.

— Это у полян называется старейшины, — отрешенно поправил Олег, будто пытался вернуться мысленным взором на свою далекую теплую родину. — А еще — нарочитые мужи.

— Я знаю, — по-словенски ответила Мальфрид.

Будто хотела дать понять, что готова жить среди людей, говорящих только на словенском языке.

— Если это старейшины, то их, наверное, послало вече, — заметил Олег. — Только бы раздоров не случилось из-за наследства моего. У деда из мужчин в наследниках только я.

— А что, если он там успел обзавестись еще ребенком? — Мальфрид подняла брови. — Говорят, у него было десять жен и он брал по деве из каждой покоренной области, будто каган хазарский!

— Даже если и успел, это еще совсем дитя...

— Что бы там ни было, мой отец тебе поможет! — уверенно сказала Мальфрид.

— Само собой! — Олег усмехнулся, но его сдвинутые брови выдавали тайную тревогу. — Не зря же он меня кормил шесть лет — не чтобы в овраг метнуть!

Он откинул одеяло на беличьем меху и взял с приступки вязаные чулки.

— Я достану тебе одежду получше! — Мальфрид устремилась к ларю. — Вдруг эти люди уже сегодня будут здесь!

* * *

Большой обоз, пришедший по Ловати с юга, на Ильмене разделился: разошлись по своим местам люди из Будгоща, обоих варяжских городцов, из Словенска на речке Прости. Новость о том, что с обозом едут нарочитые мужи из Киева, имеющие дело до Олега, Предслава сына, Олегова внука, разлетелась по берегам быстрее птицы. Городцы и селения взволновались: гордость мешала нарочитым мужам словен явиться к Олаву без приглашения, но сильнее было желание узнать, с чем приехали кияне и что будет дальше.

Когда обоз добрался до Хольмгарда, здесь все было готово к приему. Даже баню затопили, едва заметив вереницу саней на льду вдальеке. Никто не набрасывается на гостей с расспросами на пороге, поэтому Олав и его жена Сванхейд лишь приветствовали приехавших, а потом челядь отвела коней в конюшни, людей — в баню и гостевые избы.

Явились гости и в избу Олега-младшего. Выйдя к воротам посмотреть на приезжих, тот сразу увидел знакомые лица: кто-то помахал ему с лошади, еще кто-то — от саней.

— Яримка! — Олег устремился к всаднику. — И ты здесь! Остряга!

Сильно забилося сердце: ближайšie киевские родичи приехали не случайно. Значит, слухи были правдивы.

— Идемте все ко мне! — позвал он. — Много ваших здесь? Мала! Малоня! — Он огляделся, выискивая жену. — Смотри, кто здесь! Это родня моя киевская! Мы их к себе возьмем!

— Ну ты и здоровый вырос.. — невольно охнул Ярим, щуплый молодец с хрящеватым носом, и только потом вспомнил, что надо поздороваться: — Будь жив!

Он запомнил Олега отроком, лишь чуть выше него, а теперь перед ним стоял великан с широкими плечами и темной, чуть рыжеватой бородкой, обрамлявшей подбородок, но оставлявшей пустое место под нижней губой — точно как у его отца, Предслава Святополковича. Разумеется, за шесть лет бывший отрок должен был сильно измениться, но такого удалца кияне увидеть не ожидали. Рядом с ним теперь казался отроком Ярим, старше Олега на год.

Вскоре гости уже топали на рогоже перед дверью, а челядь обметала снег с их одежды и обуви.

Мальфрид ждала в избе, держа перед собой чашу с пивом для приветствия. К приезду гостей она оделась в светло-зеленое платье и зеленый шерстяной хенгерок, отделанный сверху и снизу полосами огненного шелка. Между позолоченными застежками висели два ряда бус — стеклянных, тоже зеленых, и серебряных, покрытых тонкими узорами. На голове ее белело шелковое покрывало с очельем, вышитым золотой нитью. Впервые ей предстояло увидеть кого-то из родичей мужа — людей, что станут ее окружением на всю дальнейшую жизнь.

Вскоре Олег, довольный, оживленный и улыбающийся, уже знакомил ее с прибывшими. Хозяйка по старшинству подавала им чашу; выпив за здоровье хозяев, те снова наливали пива и передавали Олегу и жене, чтобы те выпили за них.

— Здравствуй, князюшка! — наперебой приветствовали Олега сватья, подмигивая: они не стали говорить о главном с порога, но и не пытались сохранить тайну, которая тайной уже не была.

— А ты молодец — княгиней обзавелся, да какой красавицей! — одобрил Честонег, глядя на раздумянившуюся Мальфрид.

Молодая хозяйка едва находила слова для гостей — помогала только выучка. А сердце билось, едва не выскакивая от волнения. Ей были приятны и похвалы незнакомой родни мужа, и то, что ее уже называли княгиней. Пусть всего лишь